

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 271.2(470.43/44)191

Для цитирования:

Соловьев П.К. Прощение балаковских единоверцев к самарскому епископу Герасиму (Добросердову) о назначении священника // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2024. № 1 (24). С. 134–151.
DOI: 10.56621/27825884_2024_24_134

Соловьев Павел Константинович,

соискатель ученой степени кандидата исторических наук
Саратовского национального исследовательского
государственного университета им. Н.Г. Чернышевского,
Российская Федерация, 410012, г. Саратов,
ул. Астраханская, 83
solovjev.pasha2014@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2258-1331

Прощение балаковских единоверцев к самарскому епископу Герасиму (Добросердову) о назначении священника

П.К. СОЛОВЬЕВ

Аннотация: В работе публикуется архивный документ — ходатайство единоверцев села Балаково Николаевского уезда о назначении к ним священника. Публикуемый документ является примером того, каким образом на региональном уровне происходила реализация одного из ключевых положений правил единоверия московского митрополита Платона (Левшина). В данном случае имеется в виду возможность православных старообрядцев избирать кандидата для рукоположения в сан священника. Ходатайство балаковских единоверцев в некоторой степени раскрывает характер взаимоотношений епархиальной власти и православных старообрядцев, особенности их мировоззрения и выборность священства как аспект самобытности приходской жизни. Анализ публикуемого источника проведен на основе исследований, а также архивных источников, которые содержат дополнительный фактический материал по локальной истории единоверия в дореволюционной России.

Ключевые слова: правила митрополита Платона (Левшина), единоверие, старообрядчество, епископ Герасим (Добросердов), Самарская губерния, Балаково, Криволучье.

В одном из фондов филиала Государственного архива Саратовской области в городе Пугачеве хранится документ, который несомненно представляет интерес для исследователей, занимающихся историей единоверия Саратово-Самарского Поволжья. Это обращение прихожан единоверческой Никольской церкви села Балаково, написанное 7 мая 1875 года епископу Самарскому и Ставропольскому Герасиму (Добросердову)¹. Балаковские единоверцы просили своего архиерея рукоположить в священники уставщика Никольской церкви Михея Степановича Муравьёва, мещанина из уездного города Николаевска Самарской губернии. Текст документа представляет собой не только образчик официальной церковной переписки рядовых верующих Русской Православной Церкви со священноначалием. Он прекрасно иллюстрирует правовой и канонический статус единоверия внутри Русской Православной Церкви, в значительной степени раскрывая особую психологию православных старообрядцев. Важно также, что прошение дает дополнительный фактический материал по истории становления единоверия в Самарской губернии 1870-х годов. И, наконец, в письме раскрывается такая особенность приходского уклада единоверцев, как выборность священства.

Балаковская единоверческая община возникла в середине 1840-х годов в составе вновь образованного прихода Кривоулицкой слободы Николаевского уезда Саратовской губернии. Прихожанами местной единоверческой церкви стали удельные крестьяне почти двух десятков сел и деревень Николаевского уезда, находившихся в ведомстве Саратовской удельной конторы². Согласно правилам московского митрополита Платона (Левшина) 1800 года, старообрядцам, пожелавшим оставить раскол, позволялось воссоединиться с Церковью на условиях единоверия. Один из пунктов правил предусматривал право единоверцев избирать себе приходского священника при последующем утверждении кандидатуры правящим архиереем: «Хиротонисать

¹ См.: Филиал Государственного архива Саратовской области в г. Пугачеве (далее — ФГАСОП). Ф. 21. Оп. 1. Д. 208. Нумерация листов в архивном деле отсутствует, текст документа в некоторых местах поврежден вследствие воздействия влаги. Далее при цитировании прошения в угловые скобки заключен предполагаемый текст документа; не поддающиеся прочтению лакуны отмечены многоточием в угловых скобках. Орфография оригинала сохранена, пунктуация изменена для удобства чтения.

² См.: Архангельский Н.А. К истории единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии. Самара, 1923. С. 14.

по прежде печатным книгам по избранию прихожан и по рассмотрению и рассуждению Епископа»³.

Перед принятием единоверия, в 1843 году, иргизские раскольники созвали «собор» в слободе Криволучье и предложили саратовскому епископу Иакову (Вечеркову) свои «криволучские условия», согласно которым приходской священник получал бы большую автономию от епархиальной власти, чем это предусматривалось правилами митрополита Платона. Согласно «криволучским условиям», единоверческий священник не мог служить вместе с «новообрядным» православным духовенством и, минуя компетенцию местного благочинного, подчинялся непосредственно правящему епископу. Примечательно, что епископ Иаков принял эти условия и утвердил назначение в криволучский приход вдового священника из «новообрядных» — отца Григория Ильменского, избранного местными старообрядцами. Однако, судя по всему, большинство старообрядцев Николаевского уезда приняло единоверие формально, намереваясь таким образом легализовать свой прежний религиозный уклад наличием «законного попа». Вскоре до саратовского епископа дошли сведения, что криволучские старообрядцы совершили над отцом Григорием Ильменским так называемую исправу — обряд присоединения, который раскольники обычно совершали над беглыми «никонианскими» попами⁴. К тому же отец Григорий оказался священником невысоких нравственных качеств и «своим дурным поведением способствовал отпадению криволучских крестьян от единоверческой церкви». В июле 1851 года вольский vikарий епископ Антоний (Шокотов) сообщал саратовскому архиерею, что священник «службу в церкви совсем оставил: в криволучской церкви не было богослужений ни на Рождество, ни на Пасху, ни в Пятидесятницу». Отец Григорий Ильменский был отрешен от должности и причислен к братии единоверческого Спасо-Преображенского монастыря⁵.

В 1850-х годах, после включения Николаевского уезда в состав Самарской губернии, назначения священников в Криволучье осуществлялись по распоряжению архиереев, без одобрения прихожан,

³ Барсов Т.В. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. СПб., 1885. Т. 1. С. 209.

⁴ См.: Архангельский Н.А. Указ. соч. С. 19–20; ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 1. Д. 100. Л. без нумерации.

⁵ См.: Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. 606. Оп. 1. Д. 610. Л. 228–28 об.

многие из которых открыто перешли в раскол. Они отказывались принимать настоятелей церкви, заявив однажды, что «им даже приятно было бы не определить к ним никакого священника»⁶.

В результате таких нестроений большой криволуцкий приход фактически распался, и к началу 1860-х годов от него остались две малочисленные общины — в Криволучье и Балаково. Назначенному в 1858 году в Криволучье единоверческому священнику Феодору Таганцеву пришлось возрождать приходскую жизнь заново в сложных условиях противодействия со стороны местных раскольников. Впоследствии этот пастырь заслужил своей деятельностью большой авторитет и у иргизских единоверцев, и у епархиального начальства⁷. Ему удалось достичь определенных успехов и сохранить приход. Особенно заметными были результаты его миссионерской проповеди в Балаково. В 1865 году по его инициативе в селе была отстроена и освящена единоверческая Никольская церковь, организована деятельность школы грамоты для детей старообрядцев, значительно увеличилась численность общины. К началу 1870-х годов она представляла собой фактически самостоятельный приход: в храме служил уставщик, который не являлся членом причта криволуцкой Ильинской церкви, записи о прихожанах балаковской общины священник вел в отдельных метрических книгах. По всей видимости, именно отцу Феодору принадлежала идея назначения в балаковскую общину отдельного священника. Незадолго до своей смерти в 1874 году, он даже предпринял некоторые действия для ее реализации, завещав балаковскому причту личные накопления в банке в сумме 600 рублей серебром (под проценты) для жалования будущему настоятелю Никольской церкви. Со своей стороны прихожане были готовы предоставить «собственному» священнику помещение для проживания в Балаково и обеспечить содержание дома «на свой счет»⁸. С учетом предлагаемых условий, просьба балаковских единоверцев к епископу Герасиму (Добросердову) о рукоположении М. С. Муравьева выглядела вполне обоснованной.

Очевидно, что это письмо балаковских единоверцев от 1875 года не было первым обращением подобного рода, причем к одному

⁶ Центральный государственный архив Самарской области (далее — ЦГАСО). Ф. 32. Оп.1. Д. 1405. Л. 1 об.

⁷ См.: Соловьев П.К. «Раскольники криволуцкие больше всех употребляют насилия...»: о становлении единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии (1850—1860-е годы) // Известия Саратовского университета: Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2022. Т. 22. Вып. 2. С. 239.

⁸ ЦГАСО. Ф. 356. Оп.1. Д. 83. Л. 2 об., 8—8 об., 11 об.

из писем прилагалось прошение самого Муравьева о рукоположении в священники к Никольской церкви. Прихожане балаковской общины приводили разные доводы о необходимости «поставления» священника. Первый заключался в том, что наличие в Балаково постоянно проживающего и служащего там единоверческого священника будет содействовать православной миссии среди старообрядцев-раскольников. Второй аргумент имел практический характер. Балаково было одним из крупнейших торговых сел в Саратово-Самарском Поволжье, и местная единоверческая община формировалась главным образом из приезжих старообрядцев. Так, к началу 1880-х годов она почти на 90% состояла из приезжих «купцов, мещан и городских обывателей»⁹. Поэтому очевидно, что христианские требы для приезжих единоверцев мог бы своевременно совершать только постоянный священник. В ходатайстве М. С. Муравьев характеризовался в самом положительном ключе. Особенное внимание прихожане обращали на его миссионерскую деятельность.

Его Преосвященству Господину Преосвященнейшему Епископу Герасиму Самарскому и Ставропольскому и разных орденов Кавалеру.

От прихожан балаковской Никольской единоверческой церкви покорнейшее письмо;

1-е. Преосвященнейший Владыко и всемилостивейший Архипастырь! Все упование наше мы возлагаем к Вашему Преосвященству; к сведению Вашему честь имеем объяснить, и Вас покорнейше просить о последующем: благословите нас; поданное от нас Вашему Преосвященству 21 августа 1874 года прошение обновить вновь, о избрании того же нами во священника Михея Степановича Муравьева, о котором Вас просили и опять просим неотступно, мы его желаем всем нашим обществом <и одо>брым его Вашему Преосвященству, как нельзя быть <луч>ше для нашего единоверия, и самого способного человека. Рекомендуем его Вашему Преосвященству, он находится в нашей церкви 9 месяцев уставщиком, занимается <...> и усердно, и ревностно ратует-

⁹ Соловьев П. К. История православных храмов г. Балаково (1762–1917 гг.). Саратов: ИП Кирсановой М. В., 2020. С. 258.

ся с раскольниками <в> святии церкви, одно слово об нем, кроме хорошего, никакого нельзя сказать — достоин похвалы. Таковых способностей и хорошей жизни не всегда возможно будет приобрести. Он, по всему видно, погибает от ненавидящих его врагов; есть ли бы Вы, Владыко, ведали вполне всю сущность, то не осумнились бы рукоположить его в священники.

Мы скорбим, что Вы, Владыко, нас и его невзлюбили, посему и не удостоился нами избранный ни малейшего внимания, поколи же Вы его не о чем не вопросима, яко изверженного. Оо, Владыко! Возри на наше прошение, мы желаем его со всем нашим радушием, иногда мы по ревности к единоверию сочувствуем в нем, есть ли быть у нас священником. Тогда может ослабеть у нас раскол, и наша единоверческая церковь восторжествует. Кроме того, здесь, в Балакове, священник единоверия необходим по всему, как место портовое, многие единоверцы приезжают для закупки пшеницы, и всё может прилучиться к исправлению треб, и все мы смертны. Нам и каждому желательно получить благодать Божию в своем храме, а в получение которой мы всю надежду теряем. О Владыко! Да не зайдет солнце во гнев твоем. Сотвори нам любовь и милость, какую творили для единоверия незабвенные, блаженнейшей памяти епископы — самарский Феофил и синбирский Феодотий. Память их печатлеется в сердцах наших в род и род¹⁰.

Первое, что обращает на себя внимание при анализе прошения, — это ярко выраженная жанровая полифония документа, что наводит на мысль о коллективном авторстве письма. Эмоциональное изложение ходатайства, которое местами напоминает челобитную, сменяется деловым тоном официальной переписки; сухое перечисление исторических фактов соседствует с торжественным слогом цитат из Священного Писания и богослужебных текстов (например, цитата из Еф. 4:26 и парафраз фрагмента из последования панихиды). Впрочем, при имеющемся стилистическом разнообразии прошение имеет последовательную структуру изложения аргументов и преследует

¹⁰ Здесь и далее цит. по: ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 1. Д. 208.

вполне определенную цель: убедить самарского епископа в правильности избрания приходского уставщика М. С. Муравьева в качестве кандидата на священническое место в Никольской церкви села Балаково.

Авторы письма как бы предлагают владыке Герасиму сохранить положительную историческую традицию в отношении единоверия, которая сложилась в годы служения его предшественников — симбирского архиепископа Феодотия (Озерова) и самарского епископа Феофила (Надеждина), в свое время внесших большой вклад в становление самарского единоверия. Но, как следует из содержания письма, епископ Герасим еще ранее счел нужным отказать им в их просьбе: с точки зрения правящего архиерея существовали некоторые канонические препятствия к иерейской хиротонии псаломщика. Дело в том, что в расколе он являлся «лжепопом» (вероятно, принадлежал к священству Белокриницкой иерархии), но, еще будучи раскольником, сложил с себя сан. По мнению балаковцев, это обстоятельство из старообрядческого прошлого Муравьева не могло стать непреодолимым каноническим препятствием для рукоположения избранного ими кандидата. В качестве подтверждения данного тезиса в письме приводится целый список видных представителей «лжесвященства» старообрядцев Белокриницкой иерархии, которые присоединились к Церкви в 1860-х годах на условиях единоверия: епископ Браиловский Онуфрий (Парусов), епископ Коломенский Пафнутий (Овчинников), епископ Тульчинский Иустин (Игнатьев), архидиакон Филарет (Захаров) и другие¹¹.

2-е. К истинному нашему прискорбию мы получили от единоверческого самарского благочинного отца Павла¹² на наше прошение, поданное Вашему Преосвященству 21 августа 1874 года, <...> состоялась резолюция Вашего Преосвященства от 11 <октября> 1874 года, а получено 17 октября 1874 года, якобы нами избранный в священники Михай Семенов Муравьев сложил с себя священство. За таковое Вы его преступление рукоположить во священники не при-

¹¹ См.: Субботин Н.И. Присоединение к православию раскольнических епископов и других членов так называемой Белокриницкой иерархии. М., 1866. С. 5—60; Субботин Н. И. Двадцатипятилетие присоединения к Церкви раскольнических епископов и других членов Белокриницкой иерархии. М., 1890. С. 1—68.

¹² Имеется в виду священник Павел Ильич Кустов (1814—1885) — клирик единоверческой Казанской церкви г. Самары, благочинный Самарского единоверческого округа в 1853 — начале 1880-х гг. (см.: ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 13. Л. 1 об.; ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 151. Л. 4 об.).

знали резонным. Он николи же был священником, токмо был лже-попом, а лже-попы <...> не могут быть признаваемы нашей Соборной и <Апосто>льской Церквой. Из таких лже-архиереев и <попов> по обращению их ко святей Церкви, только тогда они могут исполняться <...> вновь по принятию благодати Божией. Лже-архиереи получили еромонашество, а попы — священство, и Михей Муравьев из таких же, почему-то он к рукоположению в <попы> не признан резонным.

1-й) Лже-архиепископ Онофрий по присоединению получил ер<омонаха;>¹³

2-й) Епископ Пафнутий возведен в иеромонаха, он в Москве пропове<дует;>

3-й) Епископ Устиниян¹⁴ ныне игуменом <в> Высоковском единовер<ческом> <монастыре;>

4-й) Иеродиякон Викентий возвед.<ен> в иеромонахи, духовником у его Преосв<ященства;>

5-й) Иеродиякон Филарет возвед.<ен> в иеромонахи; он при Павле Прусском¹⁵;

6-й) Иеромонах возвед.<ен> в иеромонаха; в Москве при Павле Прусском

7-й) Иеродиякон Кирила рукопо<ложен> во свящ<енники> в Сам Питер<бурге>, в единоверч<еской> церкви¹⁶;

8-й) Вятский Г. поп Маркел рукопо<ложен> во свящ<енники> в сосногородскую <церковь?>;

¹³ На самом деле белокриницкий епископ Онофрий (Парусов) после перехода в единоверие священного сана не принял, до конца жизни оставаясь простым иноком Московского Никольского единоверческого монастыря.

¹⁴ В письме балаковских единоверцев епископ Иустин (Игнатъев) именуется «Устинияном», но несомненно, что это одно и то же лицо, поскольку он после того, как принял единоверие в 1868 году, затем, в 1869—1870 годах, являлся настоятелем Высоковского единоверческого монастыря. См.: Майоров Р.А. Епископ Иустин Тульчинский (по материалам Отдела рукописей Российской государственной библиотеки) // Культура русских-липован в национальном и международном контексте. Бухарест, 2011. Вып. 5. С. 66—84. Автор выражает глубокую благодарность А.Г. Дурнову за предоставленные сведения.

¹⁵ Имеется в виду игумен Филарет (1839—1901), в миру Федор Захаров (Захарович) — миссионер, церковный писатель, сподвижник настоятеля Московского Никольского единоверческого монастыря архимандрита Павла Прусского (Леднева).

¹⁶ Имеется в виду архидакон Белокриницкой иерархии Кирилл Семенович Загадаев, из крестьян Пензенской губернии, присоединился к Церкви на правах единоверия 21 июля 1865 года, затем служил учителем, псаломщиком и впоследствии — священником в Никольской единоверческой церкви Санкт-Петербурга. См.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1883. Вып. 7. С. 401; Филарет (Захарович), иг. Об открытии Никольского единоверческого монастыря в Москве. М., 1897. С. 6—16.

9-й) Диякон Пимен рукопо<ложен> во свящ <енники> в <...>;

10-й) Еромонах Пафнутий возв<еден> в иеромонахи, ныне в Казани у Его Преосвя<щенства>.

Из таковых в сим письме не все поименованы¹⁷.

Владыка Герасим предложил в качестве настоятеля криволуцко-го священника Стефана Полянцева, поскольку формально балаковская община оставалась частью прихода единоверческой Ильинской церкви в Криволучье. Но балаковцы выразили этому пастырю недоверие, поскольку его обвиняли в «новшествах», которые он позволял себе при совершении богослужения «древним чином» в балаковской церкви. К тому же Муравьёв, как избранник из «природных» старообрядцев, выглядел предпочтительнее представителя «новообрядного» духовенства, каковым являлся криволуцкий священник. Настаивая на своем кандидате, единоверцы Никольской церкви вполне обоснованно ссылались на правила единоверия митрополита Платона (Левшина), которые предоставляли им такую возможность. До назначения постоянного священника балаковцы просили о «заведовании» их церковью монастырским священником — иеромонахом из единоверческого Нижне-Воскресенского Иргизского монастыря. При этом в письме указаны обстоятельства, которые, по всей видимости, и стали настоящими причинами отказа от рукоположения Муравьёва в сан священника. В тексте бегло проговаривается об имевшем место «уклонении в раскол» некоторых членов балаковской общины и о прошении церковного старосты М. К. Каныгина (Коныгина), в котором тот якобы нарушил канцелярскую процедуру подачи документов такого рода, действуя от своего имени, а не от лица большинства прихожан.

Честь имеем <сказать>, что по неистовству и о нас ложных слухов Вашему Преосвященству и вменялось нам причиною отказать Вашим Преосвященством на наше прошение; вследствие сей же резолюции Вы доба<вили, что> пусть руководствовался бы в нашем приходе священник села Криволучья отец Стефан, как руководствовались монастыр<ским

¹⁷ Личности священнослужителей, указанных в пунктах 4, 8–10, установить не удалось, в оригинале документа имя иеромонаха в пункте 6 пропущено.

священником>. Мы по сему Вашему Преосвященству не раз отказывались от отца Стефана за нововедения у нас в церкви и за неспособностью его ко исполнению единоверческих обрядов.

Как нам дано право по совести и желанию нашему избирать себе священника согласно высочайше утвержденных правил и пунктов Платона митрополита в 1800 году. Почему и не находим противным, согласно сим правилам, его рукоположить во священники, и тем более он нам не в тягость назначением от нас жалованием, есть ли Богу будет угодно и Вашему Преосвященству поставить его священником, то он сам считает себя удовлетворительным, потому даже и подал Вашему Преосвященству от себя прошение прошедшего октября месяца 1874 года. Присовокупляем к сему из таковых в других епархиях не возбраняет Святая Церковь рукополагать во священство, а Вы, Владыко, почему-то не признаете резонным, чтобы он был нашим священником. За ним причин не обретаются, даже и Вы сами в резолюциях своих нигде не высказали, кроме того, что он сложил с себя священство, а что священство — лже-священство.

Милостивый Архипастырь, прими во внимание наши просьбы. Есть ли Вы к нам не будете столь милостивы, церковь наша оскудеет, и мы не изнемогаим. Не для того она созидалась, чтобы у нас в Балакове единоверие разрушилось, а раскол многократно восторжествовал. <Мы> не самовольно ее устроили, а по распоряжению высшего правительства <...>, которое сочло и заботилось, <чтобы> в Балакове быть единоверческой церкви. Так мы и не чаяли быть стесненными, колико ныне терпим несносную горечь.

<...> По ревности и навету общества наших прихожан наш староста Матвей Кирилов Каныгин донес Вашему Преосвященству рапортом от 18 декабря 1874 года вследствие уклонения из наших прихожан в раскол и просил о заведовании покуда до священника нашего балаковского единоверческого церковью единоверческими монастырями. На этот рапорт к несказанной нашей горести мы получили отказ, последовавшей на резолюции Вашего Преосвященства

в консисторию, заявила нашему церковному старосте от 4 января 1875 года за № 30 чрез Николаевское полицейское управление относительно рукоположения Михея Семеновича Муравьева во священники.

Дано знать, якобы одним нашим церковным старостою был избранник, Михей Семенов Муравьев, к нам во священники. Поэтому и не может быть рукоположен во священники. Мы сему удивляемся, потому что наше прошение прихожан, поданное Вашему Преосвященству 21 августа 1874 года, не одним церковным старостою, а слишком подписавшихся сорок человек, и не во что вменяются.

Заключительная часть представляет собой образчик «народного плача», где единоверцы приводят главное обоснование необходимости постоянного священника в Балаково — регулярное совершение Божественной литургии в Никольской церкви:

Итак, нас постигает печальное обстоятельство Вашего к нам неблаговоления. Вы нас совершенно оставили и не благословили заведовать нами единоверческими монастырями; сочли у нас неудобством служения и отправления треб монахами и высказали якобы на причте их недостатка, но всегда для нас доставало, только, вероятно, грехов наших ради, благодать у них оскудена. О Владыко! Всемиловитевнейший Архипастырь, мы в прошедшую четырехдесятницу¹⁸ 1874 года, по смерти блаженной памяти священноиерея Феодора Таганцева, по человеколюбию монастырей, изобиловали в нашем храме благодатию Божиею. Принимали Тело и Кровь Христ<овы>, торжественно встретили светлый день Воскресенья, а ныне на нас прииде чад душевный, в котором <...> нас, Владыко, оставили и забыли, яко заблудившихся, и напоили нас слез в меру и печальных сотв<орили>. Во всех храмах рекут «Христос воскрес!», а мы <...> не имам слышати от алтаря Господня, что Христос воскрес, точию у нас уснув Христос, яко <...> и врата царские не отверзошася. Николи же <была> таковая печаль по посвящении нашего

¹⁸ Т.е. в Великий пост.

храма. Отец Наш Небесный все увидит, и весь свет услышит толикую скорбь нашу.

В конце письма единоверцы резко переходят с просительной интонации на деловой канцелярский тон, обещая в случае отказа со стороны архиерея обратиться для решения вопроса в Святейший Синод:

Кольми паче, Владыко, <...> Вы, что находите вопреки нашему мнению удовлетворить нас, то благословите как вынужденными просить нам Святейший Синод.

Маяя дня 1875 года. К сему писму просителей подписавшихся с лишком сорок человек послано Владыке сего 7 маяя.

Вряд ли скрытая угроза балаковских единоверцев апеллировать к Синоду была способна как-то повлиять на принятие самарским архипастырем окончательного решения. Действительно, правила митрополита Платона предусматривали право единоверческой общины избирать из своей среды священника, но оно вовсе не подразумевало автоматического утверждения выдвинутой кандидатуры со стороны правящего архиерея. Назначения, переводы в единоверческие общины представителей духовенства на епархиальном уровне находились вне компетенции Синода — так же, как и священнические хиротонии. Обязанность епископа относительно единоверческих рукоположений выражалась только лишь в совершении таинства Священства по старопечатным богослужебным книгам.

Впрочем, владыка Герасим вскоре вновь вернулся к рассмотрению этого вопроса. Летом 1875 года он поручил единоверческому благочинному Иргизского Спасо-Преображенского монастыря архимандриту Иоасафу (Буслаеву) собрать свидетельства «о бытии у исповеди и св. причастия Михея Муравьева с женою его с 1853 года по апрель текущего года и представить оное к июлю текущего года»¹⁹. В конце августа того же года архимандрит Иоасаф прислал архиерею письмо, в котором утверждал, что «вышеуказанный Муравьев» действительно «непреложный истинный сын Церкви», и «для вящего удостоверения епархиальной власти» приложил три свидетельства из единоверческих церквей Самары, Симбирска и Нижне-Воскресенского монастыря,

¹⁹ ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 1. Д. 208. Л. без нумерации.

где балаковский псаломщик в разное время служил причетником²⁰. В них подтверждалось, что Муравьев действительно «бывал» на исповеди и причащался. Видимо, кандидаты в священники из старообрядцев проходили определенную проверку на «литургическую лояльность». Возможно, подобная практика сбора информации о церковной жизни кандидата в единоверческие священники была вызвана бытовавшим в среде иргизских старообрядцев представлением, что истинное воссоединение с Церковью происходит в таинстве Евхаристии: «Причастился, значит, присоединился»²¹. Кстати будет упомянуть, что в 1858 году, перед принятием священнического сана, диакон самарской единоверческой церкви Феодор Таганцев, отвечая перед иерейским рукоположением на вопросы епархиальной ставленнической комиссии, должен был особо оговорить, что «раскола за собою не имеет, а исповедует Православную Восточную Кафолическую веру на правах единоверия»²².

И все же епископ Герасим предпочел не рукополагать священника к единоверческой церкви села Балаково. И причина заключалась не в том, что архиерей будто бы «невзлюбил» М. С. Муравьева. Напротив, епархиальное начальство ценило Муравьева как талантливую проповедника, и впоследствии Самарский Комитет православного миссионерского общества определил его на должность епархиального миссионера. В 1880-х годах он вел активную миссионерскую деятельность среди раскольников Николаевского уезда Самарской губернии и довольно успешно полемизировал со старообрядческими начетчиками²³.

Назначение в балаковскую общину священника означало бы формальное появление самостоятельной приходской единицы. Но за все достаточно продолжительное служение епископа Герасима (Добросердова) на самарской кафедре (1866—1877) в епархии не появилось ни одного нового единоверческого прихода. По имеющимся сведениям, за данный период в единоверческие приходы Николаевского уезда были рукоположены и назначены только два священника — в Теликовку и Криволучье. Оба они являлись представителями «новообрядного» духовенства²⁴. Скорее всего, осторожность со стороны епархиальной власти была

²⁰ См.: ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 1. Д. 208. Л. без нумерации.

²¹ ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 5086. Л. 38 об.—39 об.

²² ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1405. Л. 3.

²³ См.: Отчет Самарского Комитета православного миссионерского общества за 1883-й год // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1884. № 6. С. 110—112.

²⁴ См.: ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 178. Л. 4; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 23. Д. 411. Л. 2 об.—3.

вызвана драматической историей криволуцкого прихода в 1840-х — 1850-х годах, когда повторно «совратившиеся» в раскол единоверцы неоднократно саботировали назначения священников. Примечательно также, что в своем ходатайстве балаковские прихожане, говоря о праве единоверцев избирать священника, апеллировали к правилам митрополита Платона, а не к «криволуцким условиям», которые, судя по всему, к этому времени были уже дезавуированы.

Епископ Герасим пошел навстречу балаковским единоверцам лишь по одному пункту их прошения. Несмотря на то что формально община входила в состав криволуцкого прихода, по решению архиерея богослужения в Никольской церкви в 1874—1879 годах совершал не священник Стефан Полянцев, а «временно приезжающий» из Нижне-Воскресенского монастыря иеромонах. Разумеется, это никак не устраняло неудобств, которые возникали в тех случаях, когда «присутствие священника не терпит ни малейших отлагательств» (например, при необходимости последнего напутствия умирающего прихожанина в таинства Исповеди и Причастия). При плохих погодных условиях (распутица, дождь, вьюга) своевременный приезд иеромонаха из монастыря, расположенного в тридцати верстах от Балаково, становился практически невозможным. Поэтому прихожане Никольской церкви не оставляли попыток найти «собственного» священника: «Церковь, в которой не всегда, даже и в праздничные дни, совершается священнослужение, представляет вид сиротствующей»²⁵.

В итоге эти поиски увенчались успехом уже после перевода епископа Герасима (Добросердова) на другую кафедру — во время служения самарского епископа Серафима (Протопопова). В июле 1878 года, будучи на личном приеме у архиерея, попечителя Никольского храма вновь сообщили о своем «затруднении в исполнении треб при неимении священника» и попросили назначить к «сиротствующим без ближайшего местного руководителя ко спасению душ сего стада». К этому времени численность балаковских единоверцев значительно выросла и составляла 306 человек. На аудиенции балаковцы в качестве кандидата как бы невзначай упомянули имя священника единоверческой Покровской церкви села Демкино Хвалынского уезда Саратовской губернии Афанасия Давыдова, «известного по общему отзыву ревностным

²⁵ ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 83. Л. 2—2 об.

исполнением священных пастырских обязанностей, добронравием и примерным поведением». Выяснилось, что староста Никольской церкви Каныгин к этому времени уже предварительно провел переговоры со священником по вопросу возможного переезда в Балаково и получил его принципиальное согласие. Видимо, о высоких нравственных качествах этого пастыря староста узнал от прихожан, среди которых было немало уроженцев Хвалынского уезда. Балаковцы предлагали священнику жалование от общины — 200 рублей серебром в год, «не требуя никакого вспомоществования от казны и вообще от правительства, а для приличного и удобного ему с семейством помещения предоставили общественный дом, находящийся при церкви дом с отоплением»²⁶.

Поскольку отец Афанасий Давыдов числился в клире другой епархии, епископ Серафим (Протопопов) в марте 1879 года обратился к саратовскому епископу Тихону (Покровскому) с просьбой об увольнении священника с демкинского прихода. Однако местные единоверцы сначала не давали на это согласия «по уважительной причине»: определение его из крестьян на должность священника к их церкви стоило им многих издержек и долгих (полтора года) хлопот. Казалось, что приобретение балаковцами «собственного» священника к единоверческой церкви вновь откладывается на неопределенное время, но после того как демкинцы нашли отцу Афанасию замену, он был переведен в Самарскую епархию и осенью того же года определен к Никольской церкви села Балаково²⁷.

Обстоятельства возникновения и история документа, приведенного выше, являются показательным примером исполнения на местном уровне правил единоверия митрополита Платона (Левшина) — в той их части, которая касалась прерогативы православных старообрядцев избирать себе приходского священника. Очевидно, реализация данного права также во многом зависела от степени развития приходской жизни единоверческой общины и решения правящего архиерея, который действовал в этом вопросе исходя из сложившихся исторических обстоятельств и собственного понимания развития единоверия во вверенной ему епархии.

*Поступила в редакцию 2.07.2023,
принята к публикации 16.01.2024.*

²⁶ ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 83. Л. 1об., 17, 20.

²⁷ См.: Там же. Л. 14–16.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский Н. А. К истории единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии. Самара: Самарский гос. ун-т, 1923. 52 с.
2. Барсов Т. В. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. СПб.: Синодальная типография, 1885. XX, 663, CLXXVIII с.
3. Государственный архив Саратовской области. Ф. 606. Оп. 1. Д. 610.
4. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб.: Издание С.-Петербургского епархиального историко-статистического комитета, 1883. Вып. 7. 516 с.
5. Майоров Р. А. Епископ Иустин Тульчинский (по материалам Отдела рукописей Российской государственной библиотеки) // Культура русских-липован в национальном и международном контексте. Бухарест: CRLR, 2011. Вып. 5. С. 66–84.
6. Отчет Самарского Комитета православного миссионерского общества за 1883-й год // Самарские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1884. № 6. С. 101–117.
7. Соловьев П. К. «Раскольники криволицкие больше всех употребляют насилия...»: о становлении единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии (1850–1860-е годы) // Известия Саратовского университета: Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2022. Т. 22. Вып. 2. С. 234–242.
8. Соловьев П. К. История православных храмов г. Балаково (1762–1917 гг.). Саратов: ИП Кирсанова М. В., 2020. 300 с.
9. Субботин Н. И. Двадцатипятилетие присоединения к Церкви раскольнических епископов и других членов Белокриницкой иерархии. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1890. 109 с.
10. Субботин Н. И. Присоединение к православию раскольнических епископов и других членов так называемой Белокриницкой иерархии. М.: Университетская типография (Катков и Ко), 1866. 60 с.
11. Филарет (Захарович), иг. Об открытии Никольского единоверческого монастыря в Москве. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. 30 с.
12. Филиал Государственного архива Саратовской области в г. Пугачеве. Ф. 21. Оп. 1. Д. 100.
13. Филиал Государственного архива Саратовской области в г. Пугачеве. Ф. 21. Оп. 1. Д. 208.
14. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 11. Д. 178.

15. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 23. Д. 411.
16. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 8. Д. 5086.
17. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1405.
18. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 356. Оп. 1. Д. 83.

UDC 271.2(470.43/44)|19|

For citation:

Solovev P. Prosheniye balakovskikh yedinovtsev k samarskomu yepiskopu Gerasimu (Dobroserdovu) o naznachenii svyashchennika [The petition of the Balakovo orthodox old believers to the Samara Bishop Gerasim (Dobroserdov) for the appointment of a priest] // Trudy Saratovskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii. [Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary]. 2024. No 1 (24). pp. 134–151.

DOI: 10.56621/27825884_2024_24_134

Pavel Soloviev,

applicant for the degree of Candidate
of Sciences in History,
Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russian
Federation

solovjev.pasha2014@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2258-1331

The Petition of the Balakovo Orthodox Old Believers to the Samara Bishop Gerasim (Dobroserdov) for the Appointment of a Priest

P. SOLOVIEV

Abstract: The paper presents the publication of an archival document — the petition of the Orthodox Old Believers of the village of Balakovo, Nykolayevsk district, for the appointment of a priest to them. The published document is an example of how one of the key provisions of the rules of unity of the Moscow Metropolitan Platon (Levshin) was implemented at the regional level. In this case, it means the possibility of Orthodox Old Believers to elect a candidate for ordination to the priesthood. The petition of the Balakovo Orthodox Old Believers reveals to some extent the nature of the relationship between the diocesan authorities and Orthodox Old Believers, the peculiarities of their worldview and the electability of the priesthood as the identity of parish life. The analysis of the published source is carried out on the basis of research and other archival sources that contain additional factual material on the local history of the edinoveriye in pre-revolutionary Russia.

Keywords: the rules of Metropolitan Platon (Levshin), Orthodox Old Believers (the edinoveriye), Old Believers, Gerasim (Dobroserdov), Samara province, Balakovo, Krivoluchye.

REFERENCES

1. Arkhangelsky N.A. (1923) "K istorii edinoveriya v Nikolaevskom uyezde Samarskoy gubernii" [On the history of the edinoveriye in the Nikolaevsky district of the Samara province]. Samara. (In Russian).
2. Mayorov R.A. (2011) "Ehiskop Iustin Tul'chinsky (po materialam Otdela rukopisey Rossiyskoy biblioteki) " [Bishop Justin Tulchinsky (based on the materials of the Department of Manuscripts of the Russian State Library)]. In: "Kul'tura russkikh-lipovan v natsional'nom I mezhdunarodnom kontekste" [Culture of Russians-Lipovans in the national and international context.]. Issue 5. pp. 66–84. Bucharest. (In Russian).
3. Solovyev P. K. (2020) "Istoriya pravoslavnykh khramov g. Balakovo (1762–1917)" [History of Orthodox churches in Balakovo (1762–1917)]. Saratov. (In Russian).
4. Solovyev P.K. (2022) "«Raskol'niki krivolutskiyе bol'she vsekhn upotrebyayut nasiliya...»: o stanovlenii yedinoveriya v Nikolayevskom uyezde Samarskoy gubernii (1850–1860-ye gody)" ["The Krivolutsky schismatics use violence the most...": on the formation of the same faith in the Nikolaevsky district of the Samara province (1850–1860-ies)]. In: "Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya Istoriya. Mezhdunarodniye otnosheniya" [News Saratov University. Series History. International relations]. Vol. 22. Issue. 2. pp. 234–242. (In Russian).

*Was submitted 2.07.2023,
accepted for publication 16.01.2024.*